

форм повелительного наклонения в русском языке, в сопоставлении с чешским — вып. 2, стр. 85—89; Е. Кржижкова. К трактовке презенса совершенного вида — вып. 4, стр. 199—202).

Следует отметить как весьма положительный тот факт, что в журнале значительное место занимает информационный отдел, знакомящий читателей как с вышедшими на русском языке новыми работами по общему и русскому языкознанию, так и с теми лингвистическими трудами, которые подготовлены или готовятся в Чехословакии. В этой связи укажем на обзор современного состояния и перспектив развития чехословацкой лингвистической русистики и украинистики, сделанный О. Лешкой и Л. Дюровичем (вып. 2, стр. 89—92). Из этого обзора следует, что центральной задачей чешских и словацких русистов является создание таких научных работ, которые представляли бы описание грамматического строя (в чем уже достигнуты значительные результаты) и лексики современного русского литературного языка, работ, опирающихся на новые теоретические основы и широкий материал. При этом русистика рассматривается как неотъемлемая составная часть чехословацкой лингвистики, которая в процессе выполнения поставленной задачи должна решить ряд общетеоретических вопросов.

И. Бернштейн, Е. Немченко

А. Лаврецкий. Эстетические взгляды русских писателей.

Гослитиздат, 1963, 302 стр.

Последний сборник статей И. М. Лаврецкого включает в себя многие работы, печатавшиеся еще в 30—40-х годах на страницах «Литературного наследства» и «Литературного критика». В те годы каждая из этих статей была заметной вехой в развитии филологической науки. Время подтвердило плодотворность методологии исследователя, свежесть и значительность его выводов, обобщений, сопоставлений.

Собранные воедино статьи Лаврецкого предстали в качестве целой системы взглядов на философию творчества выдающихся русских художников в процессе их живого взаимодействия и обусловленности эпохой. Характеризуя такие разные творческие натуры, как Тургенев и Гончаров, с одной стороны, и Герцен, Чернышевский, Некрасов и Горький, с другой, А. Лаврецкий показал громадное влияние революционно-демократической критики на развитие русского реализма в целом. В этом смысле сборник непосредственно примыкает к монографиям А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм» и «Эстетика Белинского».

Книга А. Лаврецкого особенно интересна в литературно-теоретическом отношении. Мировоззрение и метод, тенденция и художественность, традиции и новаторство, проблема типического, соотношение субъективного и объективного в искусстве, этического и эстетического, категории комического, трагического и др. — все эти понятия представлены здесь в конкретном многообразии и в то же время во внутреннем единстве, которое неизбежно предполагает теория реалистического искусства.

Статьи А. Лаврецкого по-прежнему участвуют в острых современных спорах о литературе, несмотря на отсутствие в книге прямой полемики.

Открывающая сборник статья о Тургеневе-критике — еще одно вдумчивое и аргументированное слово в защиту диалектически сложного подхода к наследию автора «Отцов и детей», который отстаивают Г. А. Бялый, Г. М. Фридлендер, А. Г. Деметьев и др.¹ Не сглаживая острых углов и не обходя молчанием трагических противоречий тургеневской мысли, А. Лаврецкий обнажает внутреннюю логику исканий Тургенева, сближающих писателя с революционно-демократической критикой и эстетикой, порою несмотря на субъективные намерения художника, обусловленные его социально-политическими убеждениями.

Тургенев, в трактовке А. Лаврецкого, — писатель большой интеллектуальной силы, предложивший прогрессивную концепцию «Фауста», осмысливший для России образы Гамлета и Дон-Кихота, проникший в тайны художественного мастерства Флобера, осознавший бессмертное значение пушкинской поэзии и социальную трагедию Гоголя.

¹ См.: Г. Фридлендер. К спорам об «Отцах и детях». «Русская литература», 1959, № 2; Г. Бялый, А. Деметьев. Архипов полемизирует. «Новый мир», 1959, № 10. См. также П. Пустовойт. В погоне за сенсацией. «Вопросы литературы», 1958, № 9, и др.